

Докторъ Ру

Скончавшийся 3-го ноября д-ръ Ру былъ, несомненно, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей современной Франціи, пользовавшийся огромной извѣстностью далеко за предѣлами своей родины. Знаменитый ученый, глава Пастеровскаго института, онъ былъ ближайшимъ ученикомъ и сотрудникомъ Пастера въ теченіе многихъ лѣтъ.

Ру родился 17 декабря 1853 года въ Конфоленѣ, гдѣ его отецъ былъ директоромъ лицея. По окончаніи средней школы, поступилъ на медицинскій факультетъ въ Клермонъ-Ферранъ. Будучи студентомъ, увлекался лекціями по биологической химіи проф. Дюкло, стараго ученика Пастера. Черезъ Дюкло ему удалось вскорѣ попасть въ лабораторію Пастера, который въ то время былъ профессоромъ въ Нормальной школѣ. Въ 1878 году Ру былъ уже лаборантомъ Пастера и принималъ ближайшее участіе во всѣхъ его работахъ. Пастеръ, будучи химикомъ, началъ интересоваться въ это время биологическими и медицинскими проблемами. Сотрудничество съ Ру, который прошелъ медицинскую школу, было чрезвычайно полезно.

Ру оказался цѣннымъ сотрудникомъ, такъ какъ онъ обладалъ необыкновенной работоспособностью, изобрѣтательностью, упорствомъ въ достиженіи опредѣленной цѣли и энтузіазмомъ въ научномъ творчествѣ. Пастеръ давалъ гениальныя идеи, а въ лицѣ Ру онъ нашелъ гениальнаго изобрѣтателя и техника, который помогать осуществленію этихъ идей. Бактеріологія, какъ наука, въ то время еще была въ самомъ зачаткѣ. Настоящей, точной методики въ полученіи чистыхъ культуръ еще не было. Эта методика была создана, главнымъ образомъ, работами Ру и другихъ сотрудниковъ Пастера. И до сихъ поръ еще многие приборы носятъ имя Ру. Вотъ это сотрудничество или сим-

біозъ двухъ крупнѣйшихъ ученыхъ дало такіе блестящіе результаты.

Можно сказать, что ихъ совмѣстными работами была создана современная бактеріологія, которая произвела огромный переворотъ во всѣхъ сферахъ жизни: въ лѣченіи болѣзней, въ гигиенѣ, въ способахъ предохраненія и борьбы съ заразными началами, а также и въ техникѣ. Уже въ самомъ началѣ ихъ дѣятельности этимъ ученымъ удалось открыть и точно изучить цѣлый рядъ новыхъ микробовъ, вызывающихъ самыя разнообразныя заболѣванія у людей и животныхъ. Зная причину заболѣванія, нерѣдко легко найти и способы предохранить себя и другихъ отъ зараженія. Поразительнымъ примѣромъ могутъ служить такія страшныя болѣзни, какъ холера и чума, которыя еще такъ недавно вызывали ужасныя эпидеміи, губившія сотни тысячъ людей. Теперь, когда хорошо изучены микробы и холеры, и чумы, и способы ихъ распространенія, уже никто не боится ихъ, хотя никакихъ лѣкарствъ ни противъ холеры, ни противъ чумы еще не найдено.

Ужъ этихъ открытій и работъ было бы достаточно, чтобы обезсмертить имя Пастера и Ру. Но они не ограничились этимъ. Пастеръ и Ру положили начало изученію другой чрезвычайно важной проблемы, а именно, иммунитета какъ естественнаго, такъ и приобрѣтеннаго. Уже давно было извѣстно, что организмъ, переболѣвшій какой либо болѣзью (скарлатина, тифъ, сепсис и др.), приобрѣтаетъ иммунитетъ, т. е. способность не заражаться вторично. Точное научное изученіе этой проблемы стало возможнымъ только со времени открытій микробовъ и методики ихъ культивированія. Первые ихъ опыты надъ иммунитетомъ дали замѣчательные результаты. Ослабляя культуры сибирской язвы прибавленіемъ слабыхъ дозъ антисептиковъ и другими спо-

собами, имъ удалось получить вакцины противъ этой страшной болѣзни. Какъ показали многочисленные опыты, прививка ослабленныхъ культуръ сибирской язвы баранамъ и другимъ животнымъ вызываетъ настоящій иммунитетъ и предохраняетъ ихъ отъ зараженія. Открытіе это имѣло колоссальное значеніе для всей медицины. Можно сказать, все человѣчество обязано этому открытію своимъ спасеніемъ отъ цѣлаго ряда самыхъ тяжкихъ заболѣваній.

Теперь всѣ знаютъ, какое цѣлебное значеніе имѣютъ многія вакцины, примѣняемые при различныхъ заболѣваніяхъ. Вакцины постепенно вытѣсняють всѣ другія лѣкарства и цѣлебныя средства, примѣнявшіяся до сихъ поръ.

Въ 1885 году Пастеръ на собранныя средства построилъ Научный Институтъ, который вполнѣ сталъ называться его именемъ.

Въ этомъ институтѣ Ру получилъ въ свое завѣдываніе особую лабораторію по микробиологіи. Съ этого времени начинаются его самостоятельныя работы. Прежде всего онъ занялся изученіемъ дифтеритнаго микроба, который уже былъ открытъ въ Германіи. Изучая дифтеритныя культуры, онъ замѣтилъ, что бациллы дифтерита опасны не столько сами по себѣ, сколько выделяемыми ими ядами или токсинами, кот. всасываются въ кровь и очень быстро отравляютъ организмъ. Вскорѣ ему удалось получить этотъ токсинъ въ чистомъ видѣ, который оказался чрезвычайно ядовитымъ даже для крупныхъ животныхъ. Изучая дѣйствіе этого токсина на различныхъ животныхъ, онъ доказалъ, что выпрыскиваніемъ минимальныхъ, постепенно прогрессирующихъ дозъ можно приучить организмъ къ перенесенію довольно сильныхъ дозъ токсина. Такимъ образомъ, животное приобрѣтаетъ какъ бы иммунитетъ въ отношеніи даннаго токсина. Но чѣмъ вызывается этотъ иммунитетъ? Изучая сыворотки иммунизированныхъ дифтеритнымъ токсиномъ животныхъ, онъ нашелъ, что сыворотка

приобрѣтаетъ новыя свойства: она нейтрализуетъ токсинъ, т. е., при прибавленіи сыворотки токсинъ теряетъ свои ядовитыя свойства. Такимъ образомъ, удалось доказать, что въ сывороткѣ вырабатываются, такъ называемые, антитоксины. Отсюда былъ одинъ шагъ до примѣненія этой сыворотки, въ качествѣ лѣчебнаго средства. Ру продолжалъ огромное количество опытовъ надъ животными и надъ людьми и показывалъ, что антитоксическая сыворотка имѣетъ цѣлебныя свойства и можетъ примѣняться въ качествѣ лѣчебнаго средства.

Эти опыты были сдѣланы въ 1888 году. Только черезъ четыре года покойному удалось выработать технику приготовленія цѣлебныхъ сыворотокъ и примѣненія ихъ на людяхъ. Такимъ образомъ, была побѣждена одна изъ самыхъ страшныхъ болѣзней, которая опасна особенно въ дѣтскомъ возрастѣ. Сколько жизней было спасено этимъ открытіемъ! Сколько слезъ и горя исчезло, благодаря Ру! Дифтеритъ, этотъ ужасъ всѣхъ матерей, былъ, наконецъ, побѣжденъ!

За открытіемъ антидифтеритной сыворотки послѣдовало открытіе сыворотки противъ ужасной неизлѣчимой болѣзни — столбняка или тетанеса, которымъ люди заражаются при пораненіи себя инструментами, загрязненными землей. Споры этого микроба находятся, главнымъ образомъ, въ землѣ. Ру доказалъ, что и этотъ микробъ также опасенъ своими токсинами. Пользуясь тѣми же методами, онъ приготовилъ цѣлебныя сыворотки противъ тетаноса. Сыворотки эти готовятся теперь во всѣхъ странахъ и также спасли безчисленное множество жизней. Затѣмъ послѣдовало открытіе вакцинъ противъ бѣшенства, этой страшной болѣзни, которая считалась неизлѣчимой. Изучая эту болѣзнь вмѣстѣ съ Пастеромъ, Ру замѣтилъ, что микробъ бѣшенства находится, главнымъ образомъ, въ мозгу. Высушивая мозгъ умершихъ отъ бѣшенства животныхъ, онъ замѣтилъ, что этотъ мозгъ постепенно теряетъ свои ядо-

витыя свойства. Изъ эмульсии высушенныхъ мозговъ были приготовлены вакцины противъ бѣшенства. Техника приготовленія этихъ вакцинъ была разработана, главнымъ образомъ, Ру. На основаніи точной статистики, ведущейся много лѣтъ при Пастеровскомъ институтѣ, можно сказать, что смертность отъ бѣшенства совершенно прекратилась въ тѣхъ случаяхъ, когда вакцинація произведена во время. Я не буду останавливаться на другихъ работахъ Ру. Сказаннаго достаточно, чтобы понять, какого гениальнаго ученаго мы потеряли въ лицѣ Ру.

Несмотря на тяжелый недугъ (туберкулезъ), которымъ онъ страдалъ съ молодости, Ру пережилъ почти всѣхъ своихъ современниковъ и дожилъ до 80 лѣтъ. Будучи молодымъ человѣкомъ, онъ началъ работать подъ руководствомъ Пастера, а затѣмъ, послѣ его смерти (послѣдовавшей въ 1895 году), продолжалъ работу Пастера въ Пастеровскомъ институтѣ до самой смерти. Вся его жизнь была связана съ работой и служеніемъ дѣлу Пастеровскаго института. Онъ никогда не бралъ отпусковъ, не зналъ каникулъ, не зналъ усталости.

Въ 1904 году, послѣ смерти Дюкло, онъ былъ избранъ въ директора Пастеровскаго института. Помощникомъ директора былъ избранъ другой сотрудникъ Пастера — Мечниковъ, гениальный ученый, которому человечество также обязано многими замѣчательными открытіями въ области бактеріологіи и иммунитета. Это былъ расцвѣтъ Пастеровскаго института, наиболѣе блестящій періодъ его жизни. Пастеровскій институтъ сдѣлался Меккой всѣхъ бактеріологовъ и медиковъ. Организованные при институтѣ курсы бактеріологіи привлекали тысячи молодыхъ ученыхъ, пріѣзжавшихъ со всѣхъ концовъ свѣта. Душой этихъ курсовъ были Ру и Мечниковъ. Ру обладалъ замѣчательнымъ лекторскимъ талантомъ. Онъ умѣлъ въ сжатой и необыкновенно ясной формѣ выражать свои мысли. Его лекціи пользовались исключительнымъ успѣхомъ. Всегда скромный, бѣдно одѣтый, онъ не искалъ

почестей и отличій. Онъ презиралъ деньги и богатство. Когда академія наукъ въ 1903 году присудила, ему премію Озириса въ 100.000 фр., Ру отказался ее принять, сказавши, что не знаетъ Озириса. Озирисъ, пораженный такимъ безкорыстіемъ Ру, пожертвовалъ Пастеровскому институту 45 милліоновъ.

Ру не былъ женатъ и жилъ анахоретомъ въ двухъ небольшихъ комнатахъ, въ ставленныхъ, надъ Пастеровскимъ госпиталемъ. Питался онъ болыничной пищей.

Не было у него директорскаго кабинета. Онъ принималъ всѣхъ посѣтителей въ экономатѣ, при чемъ половина стола принадлежала ему, а другая половина — эконому.

Вся его жизнь была служеніемъ наукѣ и человечеству, въ самомъ высокомъ значеніи этого слова.

Самой характерной чертой Ру была удивительная искренность, честность и прямота. Онъ никогда не скрывалъ своихъ мыслей и своихъ чувствъ. Всегда, всю жизнь шелъ прямымъ путемъ.

Ру былъ не только замѣчательнымъ ученымъ, но также удивительнымъ человѣкомъ. Съ виду суровый, очень строгій къ себѣ и другимъ, онъ отличался совершенно необыкновенной ангельской добротой. Онъ не могъ видѣть страданій другихъ людей. Всѣ свои средства онъ отдавалъ нуждающимся. Въ случаѣ болѣзни или какого либо несчастія, всякій, кто бы онъ ни былъ, находилъ у Ру и помощь, и слово утѣшенія.

Несмотря на свой огромный научный и моральный авторитетъ, онъ былъ чрезвычайно доступенъ со всѣми, кто бы ни приходилъ къ нему за совѣтомъ и помощью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ строгъ и безпощаденъ, когда видѣлъ какіе либо недостатки и упущенія. Многіе боялись Ру, какъ мы боимся совѣсти, когда дѣлаемъ что либо дурное. Онъ былъ не только идейнымъ руководителемъ института, но также его душой и совѣстью, которая блюла чистоту и научный престижъ Пастеровскаго института.

С. Метальниковъ.

Среди безсвязного маранья
Мелькали мысли, примѣчанья,
Портреты, буквы, имена
И думы тайной письма.

Альбомъ Онѣгина — это рукописи самого Пушкина, черновики его стиховъ. Онъ описалъ ихъ очень точно, а въ другомъ мѣстѣ поэмы показали и источникъ возникновения рисунковъ, — этого вѣрнаго и постоянного спутника его поэзии.

...у, и сердце не тоскуетъ,
Перо, забывшись, не рисуетъ
Близъ неоконченныхъ стиховъ
Ни женскихъ пожекъ, ни головъ.

Рисунки появлялись «близъ неоконченныхъ стиховъ», «въ творческихъ паузахъ, въ малыхъ перерывахъ стихопоеанія, въ минуты критической остановки». Еще Анненковъ, впервые изслѣдовавшій рукописи поэта, указывалъ, что «рисунки обыкновенно повторяютъ содержаніе написанной пьесы, воспроизводя ее, такимъ образомъ, вдвойнѣ». Въ дѣйствительности, связь между текстомъ и рисункомъ была сложнѣе. А. Эфросъ, посвятившій рисункамъ Пушкина первое специальное изслѣдованіе, только что вышедшее въ значительно дополненномъ изданіи *), выясняетъ, что рисунокъ не просто улавливалъ текстъ. «Онъ сопутствуетъ стиху, но свободно, а не рабски. Онъ «болѣе параллеленъ, а не зеркаленъ». Въ «большихъ паузахъ текста», гдѣ на страницѣхъ недоконченныхъ, прерванныхъ или, наоборотъ, завершенныхъ стиховъ скопляется много рисунковъ, можно выдѣлить ихъ ядро, соприкасающееся съ текстомъ. Но тутъ же есть и ряды новыхъ образовъ, которые тянутся въ инныя стороны, переносятъ насъ въ другія области помысловъ Пушкина. Это поистинѣ «думы тайной письма», и расшифровка ихъ представляетъ очень трудную, часто неосуществимую, но увлекательную задачу. Авторъ книги занялся ею въ обширныхъ комментаріяхъ къ рисункамъ, пытаясь прочесть этотъ «графическій днев-

въ Пушкинскихъ рукописяхъ, хранящихся въ московскихъ собраніяхъ.

Передъ нами рисунки не художника, а поэта. «Мараю небрежныя черты», — писалъ какъ-то о нихъ Пушкинъ. Дѣйствительно, «рисовалъ онъ легко и бездумно, не усердствовалъ, не искалъ и не отдѣлывалъ. Свои рукописи и подчасъ чужіе альбомы онъ наполнялъ набросками, какъ на душу приводилъ Богъ и поводъ. Они выходили у него сразу или не выходили совсѣмъ. Въ первомъ случаѣ онъ не очень радовался, во второмъ не слишкомъ огорчался. Онъ ихъ любилъ, порой берегъ, всегда забавлялся, но просто и небрежно». Рисунокъ Пушкина давно называли «дѣтскимъ» и «спиритивнымъ». Теперь такое опредѣленіе можетъ звучать и похвалой. Есть у него, правда, отдѣльные блестящіе исключенія, но въ общемъ, старая характеристика вѣрна. Пушкинъ, какъ и рисующій ребенокъ, былъ не воспримчивъ къ художественнымъ влияніямъ, и его мастерство не совершенствовалось съ теченіемъ времени. Зерномъ рисунковъ являлась карикатура, которая достигла расцвѣта въ бессарабскіе годы и шла рядомъ съ мѣткими, злыми эпиграммами. Но постепенно карикатурное искаженіе лицъ уступило мѣсто болѣе спокойнымъ и глубокимъ зарисовкамъ людей. Пушкинъ уже не столько жалилъ, сколько размышлялъ. Въ послѣдніе годы жизни карикатура стала смѣняться иллюстраціей, но мѣрѣ усилившагося влеченія поэта къ повѣствовательной формѣ, но эта тенденція не успѣла развиться.

Среди многочисленныхъ портретныхъ рисунковъ Пушкина первое мѣсто занимаетъ изображеніе самого себя. Пушкинъ «рисовалъ себя часто и внимательно и выработалъ особый навыкъ въ автопортретахъ. Онъ зналъ свои черты наизусть. Онъ въ рисункахъ самъ для себя былъ сюжетомъ не меньше, нежели въ стихахъ... Если вытянуть въ рядъ серію его автопортретовъ — передъ нами пройдетъ и то, чѣмъ онъ былъ, и то, чѣмъ онъ могъ бы быть, и то, чѣмъ онъ былъ не могъ. Это — вторая, имъ самимъ придуманная, біографія и при томъ въ нѣсколькихъ вариантахъ. Она начинается

десятилѣтіи XVIII вѣка или наголо остриганнымъ «молодецкомъ» или — какъ въ черновикахъ «Странника» — оплывшимъ блаженнымъ, юродивымъ. Онъ примѣриваетъ свои черты къ Вольтеру, къ Робеспьеру, къ героямъ собственныхъ поэмъ и повѣстей, либо вообще къ какому то иному, исправленному, болѣе привлекательному Пушкину. Пробуетъ себя на всѣ лады: съ баками и безъ бакъ, бороатымъ и безбородымъ, съ изогнутымъ и выпрямленнымъ носомъ, съ выпяченными и поджатыми губами и т. д. Онъ рисуетъ себя въ разныхъ полуэкзотическихъ состояніяхъ: франтомъ, брюзой, помѣщикомъ, путешественникомъ, военнымъ и т. д. Но чаще всего и пристальнѣе всего онъ занятъ собой такимъ, каковъ есть. Онъ любитъ себя и усмѣхается, жалѣетъ и кривится. Въ этихъ обычныхъ автопортретахъ онъ особенно лакониченъ и быстръ. Онъ дѣлаетъ ихъ однимъ движеніемъ».

По количеству портретныхъ изображеній вслѣдъ за самимъ Пушкинымъ идетъ въ его тетрадяхъ княгиня Елизавета Ксавьеревна Воронцова, одна изъ трехъ женщинъ, которыми Пушкинъ увлекался въ Одессѣ. Въ ея изображеніи онъ, какъ всегда, взялъ за основу главную черту строенія лица, — тонкую удлинненность всѣхъ линий, образующихъ единое и плавное теченіе, подчеркнутые неотрывающимся отъ бумаги штрихомъ. Пушкинъ передаетъ не красоту, а прелесть Воронцовой, ту прелесть, о которой свидѣлствуютъ и ея большіе портреты и воспоминанія современниковъ. Не разъ зарисовывалъ Пушкинъ и предметъ другого своего одесскаго увлеченія — Амалию Ризничъ. Одинъ изъ этихъ рисунковъ изображаетъ ее старухой въ чепцѣ, — Пушкинъ заглядывалъ въ будущее милаго лица, какъ онъ дѣлалъ это и по отношенію къ себѣ. Изъ «любовнаго круга» мы имѣемъ зарисовки Маріи Раевской, въ нѣкоторыхъ рисункахъ можно подозрѣвать Осипову и Аннету Вульфъ, есть Оленина и дѣвицы Ушаковы.

Опредѣлять безымянные облики рукописей нелегко. Пушкинъ «любитъ дѣлать смѣсъ изъ типизаціи человѣческаго лица и

ву, Семенову, Воейкову, гусарскихъ собутыльниковъ, кишиневскихъ знакомыхъ, декабристскихъ обреченцевъ, Пушкина — отца, Пушкина — дядюшку, Пушкина — брата и проч., и проч. Можетъ быть, этотъ уже достаточно длинный списокъ будетъ пополненъ, когда «чтеніе рисунковъ» достигнетъ того же совершенства, какъ и чтеніе пушкинскаго почерка.

Изъ рисунковъ, впервые «расшифрованныхъ» А. Эфросомъ для новаго изданія его книги, наибольшій интересъ представляютъ двѣ серіи мужскихъ профилей на черновикахъ начальныхъ строфъ пятой главы «Евгенія Онѣгина». Они датируются первыми числами января 1826 года, въ ссылкѣ, въ Михайловскомъ. Эти рисунки неожиданно увеличиваютъ документы по «дѣлу», до сихъ поръ спорному и недостаточно выясненному — о связи Пушкина съ декабристами. Можетъ быть, А. Эфросъ слишкомъ рѣшительнъ въ своихъ рѣшеніяхъ, но большой интересъ его «открытія» стоитъ внѣ спора.

Профили, распознанные А. Эфросомъ, заполняютъ густой сѣтью поля рукописныхъ страницъ. На первой — профили Мирабо и Вольтера, между ними голова челоѣка въ прическѣ конца XVIII вѣка, въ высокомъ воротникѣ, подпирающемъ подбородокъ и галстукъ бабочкой. Это — автопортретъ Пушкина, слитый съ чертами Робеспьера. Трансформированный Пушкинъ образуетъ какъ бы переходъ отъ вдохновителей французской революціи къ русскимъ мятежникамъ-декабристамъ, является какъ бы частью «нѣкоей фантастической автобіографіи, въ которой Пушкинъ какъ бы представлялъ себѣ, чѣмъ могъ бы онъ стать, ежели бы декабрьскій мятежъ удался, революція 1825 года пошла бы по слѣдамъ революціи 1789 года, а онъ, Пушкинъ, занялъ бы подобающее мѣсто». На томъ же листѣ портреты Пестеля и Рылѣева — главарей Сѣвернаго и Южнаго обществъ декабристовъ. Пушкинъ повторилъ ихъ и на другомъ листѣ, присоединивъ къ нимъ, кромѣ самого себя, также Пушкина и Кюхельбекера — декабристовъ, лицейскихъ дру-

объ арестѣ Рылѣева. И если онъ поставилъ этихъ двухъ русскихъ революціонеровъ рядомъ съ Мирабо и Вольтеромъ, то не значитъ ли это, — спрашиваетъ А. Эфросъ, — что ему была извѣстна первостепенная ихъ роль въ подготовкѣ движенія? Самъ Пушкинъ не входилъ въ тайное общество — это фактъ безспорный, но въ какой мѣрѣ онъ являлся «посвященнымъ», активно сочувствующимъ декабризму, это до сихъ поръ не выяснено. Послѣднія изслѣдованія склонны считать эту моральную связь весьма значительной, и «графическая исповѣдь» Пушкина какъ бы подтверждаетъ эти мнѣнія. Въ частности, выразительность и реализмъ профили Рылѣева можетъ говорить за то, что Пушкинъ зналъ Рылѣева лично, въ чемъ его біографы до сихъ поръ не вполне увѣрены.

Зарисовки съ Пуцина — ихъ есть двѣ — подтверждаютъ, по мнѣнію А. Эфроса, недавно высказанную догадку, что слѣпно собравшись выѣхать изъ деревни въ Петербургъ наканунѣ возстанія, Пушкинъ дѣйствовалъ не случайно и не по наитію, а по прямому вызову или условію, которое у него было съ Пуцинымъ. Въ недавно установленномъ кускѣ изъ «Воспоминаній декабриста Лорера», авторъ передаетъ — со словъ брата Пушкина, Льва: «Александръ Сергѣевичъ былъ уже удаленъ изъ Петербурга и жилъ въ деревнѣ родовой своей — Михайловскомъ. Однажды онъ получаетъ отъ Пуцина изъ Москвы письмо, въ которомъ послѣдній извѣщаетъ Пушкина, что ѣдетъ въ Петербургъ и очень желалъ бы увидѣться тамъ съ Александромъ Сергѣевичемъ. Недолго думая, пылкій поэтъ собрался и поскакалъ въ столицу». Далѣе идетъ извѣстная, передававшаяся и другими, версія, что Пушкинъ 11-го или 12-го декабря 1825 года выѣхалъ изъ Михайловскаго, но, доѣхавъ до погоста Врева, встрѣтилъ священника и, усмотрѣвъ въ этомъ плохую примѣту, вернулся назадъ въ Михайловское. Установлено, что Пуцинъ посылалъ, дѣйствительно, изъ Москвы письма къ единомышленникамъ о предстоящихъ дѣлахъ. Повторяемъ, убѣдительность этихъ «красноречивыхъ» показаній рисунковъ можетъ

казни пяти декабристовъ, лично ему хорошо знакомыхъ. На верхней и нижней части листа поэтъ изобразилъ съ нѣкоторыми вариациями крѣпостной валъ и висѣлицу съ пятью тѣлами. И въ первомъ изданіи своей книги А. Эфросъ воспроизводитъ другой листъ съ сходными рисунками, а также два рисунка повѣшенныхъ, — всѣ сдѣланные уже черезъ два года на черновикахъ «Полтавы». Рисунки повѣшенныхъ удивительны по силѣ жуткой выразительности. Они набрасывались въ тяжелый для Пушкина 1828 годъ, когда за нимъ была установлена настойчивая слѣжка, когда его вызывали для допроса въ особую комиссію и когда поэтъ писалъ «Снова тучи надо мною собралися въ тишинѣ». «Только сейчасъ, — говоритъ А. Эфросъ, — сопоставляя нѣсколько строкъ изъ его стихотвореній конца 1828 года съ этими тремя рисунками «Полтавы», мы можемъ утверждать, что Пушкинъ чувствовалъ себя въ такомъ же положеніи, въ какомъ были декабристы во время слѣдствія. Онъ переживалъ это мучительно. Онъ внутренне, по настоящему, объединялъ ихъ судьбу со своей. Видимо, самочувствіе его порою доходило до такой потрясенности, что онъ даже примѣривалъ, — какъ это дѣлалъ не разъ и въ другихъ случаяхъ, — судьбу пяти смертниковъ къ себѣ. Эти рисунки черновиковъ «Полтавы» надо сопоставить съ настойчивыми мыслями о висѣлицѣ, которые мы встрѣчаемъ въ интимныхъ стихахъ этой поры: «Когда помилуетъ насъ Богъ, — Когда не буду я вѣшенъ...» — и: «Вы-жъ вздохнете обо мнѣ, — Если буду я повѣшенъ?» Черезъ вѣшную полшутливую строкъ сквозитъ настоящее, глубоко пережитое чувство обреченности и позорной смерти. Оно искало себѣ выхода и получило исключительную яркость въ описаніи томленія и казни Кочубея».

Не будемъ останавливаться на другихъ доводахъ и домыслахъ А. Эфроса. Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что рисунки могутъ вести насъ не только къ «тайнымъ думамъ», но и къ «тайнымъ дѣламъ» поэта.

Р. Словцовъ.

*) Абрамъ Эфросъ. Рисунки поэта. «Академія». 1933.